Р. Геллер, М. Фрейдер

Фрамполь в памяти потомков

Челябинск
Цицеро
2010

УДК 821.411
ББК 84
Г31

Геллер Р., Фрейдер М.
Г31 Фрамполь в памяти потомков. — Челябинск : Цицеро, 2010. — 270 с.

ISBN 978-5-91283-051-8

© Геллер Р.Н., 2010.
© Фрейдер М.С., 2010.
© Краснопольский А.Д., 2010, макет обложки.

Светлой памяти наших родных и близких
и всех их земляков-фрампольчан
посвящается

Благодарности

Авторы выражают глубокую благодарность и признательность фрампольцам и их потомкам:

Бортману Ави,
Брейман (Лейбман) Доре Исаевне,
Брыжатой (Харламб) Мальвине Наумовне,
Вайсман Лее Мордковне,
Геллер Юлии Романовне,
Зарницкой (Вайсман) Анне Гедалевне,
Исаевой Мальвине Сергеевне,
Кецельману Игорю Абрамовичу,
Краснопольскому Александру Даниловичу,
Краснопольской (Дайчман) Марии Иосифовне,
Маргулису Марку Менделевичу,
Паттиру Дану,
Тарапакиной Екатерине Юрьевне,
Фрейдер Евгении Михайловне,
Фукс (Лейбман) Неле Семёновне,
Шимановичу Леониду Шулимовичу,

а также их и нашим родственникам, знакомым и коллегам:

Боднар Марии Михайловне,
Брыжатому Леониду Павловичу,
Гарбуз Татьяне Брониславовне,
Гурьеву Борису Ивановичу,
Лису Анатолию Николаевичу,
Лукьяненко Нине Владимировне,
Пискловой Людмиле Ефимовне,
Снегуру Александру Семёновичу,
Фрейдер Ларисе Николаевне,
Черняку Зиновию Александровичу,
Шрону Юрию Николаевичу

за помощь и содействие, предоставленные воспоминания, фотографии и другие документы, без которых было бы невозможно написание этой книги.

Оглавление

Вступление 7
Статистические сведения 91
Из мемориальной книги
«Каменец-Подольский и его окружение» 12
Рассказ В. Гроссмана и И. Эренбурга
о сопротивлении в Ярмолинцах 19
Краткие исторические очерки А. Лейбмана
о маленьком местечке Фрамполь 24
Газетная статья и воспоминания Ш. Николаевской 39
Поездка М. Фрейдера в места жительства предков 47
Переписка с краеведом А. С. Снегуром 59
«Книга скорби Украины» 70
Поиски потомков 80
Первая поездка Р. Геллера в Ярмолинцы и Косогорку.
Воспоминания В. Д. Бойчака 85
Новые встречи Р. Геллера на земле предков 91
Рассказ Р. Геллера о семье Дайчман.
Семейное фото, Фрамполь 1938 100
Пушкинское землячество фрампольцев 109
Две фрампольские семьи 119
Переписка М. Фрейдера с М. Ядушливым
и И. Зейфманом 122
Воспоминания о детстве и творческая биография
Л. Шимановича 144

Рассказ Д. Паттира о семье Пахтер 155
Воспоминания Н. Фукс о родителях 158
Сведения о семье Гендельман 163
Воспоминания Л. Вайсман о местечке и семье,
написанные для своих детей 166
Воспоминания А. Зарницкой об отце 171
Своими руками 175
Воспоминания М. Брыжатой о близких людях 188
Косогорский сельский совет 198
Схемы местечка Фрамполь 203
Схема старого еврейского кладбища Фрамполя,
описание надгробий 211
Списки расстрелянных, повешенных
и погибших на фронте фрампольцев 233
Отрывок из книги И. Абрамовича «Не забыть» 257
Эпилог 266
Список литературы 268

Это души Холокоста…
Просят, чтобы их согрели,
И обмыли, и одели,
И земле родной предали,
И молитву прошептали.
А в просторах неба где-то
Тихо бродят тени гетто,
Словно звездочки на небе,
Только нету с ними ребе…

Анатолий Зусман

Вступление

Немало городов и селений исчезло за тысячелетнюю историю человечества. История, полная разрушительных войн и экологических катастроф, хранит мифы о заброшенных городах и легенды о живших в них людях. Некоторым городам повезло: они упомянуты в библейских источниках, и их можно найти на карте современного мира, хотя, порой, их величие только и выражается в древности их исторического пути. Но и этого немало. Потомки могут в них рассмотреть, хотя порой и с немалой долей фантазии, дорогие для них следы своих предков.

Наш рассказ — о маленьком еврейском местечке Фрамполь, мало кому известном. В нем лишь в короткие периоды его существования проживало более 1000 человек. Но у Фрамполя есть его 200-летняя история, а жители его ушли не по своему желанию и не из-за природной катастрофы. Впрочем, Катастрофа была: безжалостные фашисты забрали их жизни. Немногие родственники, ушедшие на фронт или эвакуировавшиеся вопреки бездействию советских государственных деятелей, в одно мгновение потеряли своих любимых немолодых родителей, малолетних братьев и сес-

тер. Но и этого мало. Даже название местечка было заменено, как-будто в случившемся была его вина. Уже многие годы отсутствует на карте мира Фрамполь из бывшей Каменец-Подольской области, а есть село Косогорка Хмельницкой области. Конечно, и евреев здесь не осталось. Фашистами разрушены и сожжены все еврейские дома. О жителях-евреях напоминают только одинокие мацевы на кладбище и добрые слова пожилых жителей о своих бывших соседях.

Со времени величайшей трагедии прошло почти семь десятилетий. Наши заметки — рассказ о Фрамполе, о бывших жителях Фрамполя и их потомках, о памятниках ушедшим. Все эти годы потомки хранили память о родном местечке. Мы — тоже потомки его ушедших жителей — почти два десятилетия размышляли о своих корнях и по крупицам собирали эти сведения и имена. Пусть эта книга будет печатным памятником Фрамполю и фрампольчанам. Вечная им память!

Роман Геллер
Михаил Фрейдер

Статистические сведения

Местечко Фрамполь было очень маленьким, война 1941—1945 гг. — разрушительной, уцелевших местных документов немного, поэтому упоминаний о Фрамполе в литературе мало. За время своего существования местечко несколько раз меняло свою государственную принадлежность: в конце XVIII века принадлежало Польше, далее — до 1917 г. было в составе Российской империи, затем — СССР, а с 1991 г. — Украина.Ниже приводятся некоторые сведения о Фрамполе, найденные нами в различных печатных источниках.

«Фрамполь — местечко Подольской губ., Каменецкого уезда. По ревизии 1847 г. «Фрампольское еврейское общество» состояло из 570 душ. По переписи 1897 г. жителей 1240, среди них 1216 евреев» [15].

По польской люстрации 1784 г. во Фрамполе числилось 84 еврея [2].

В 1822 г. все ремесленники в местечке были евреи, из которых 70 состояли в цехах и 163 не состояли [5].

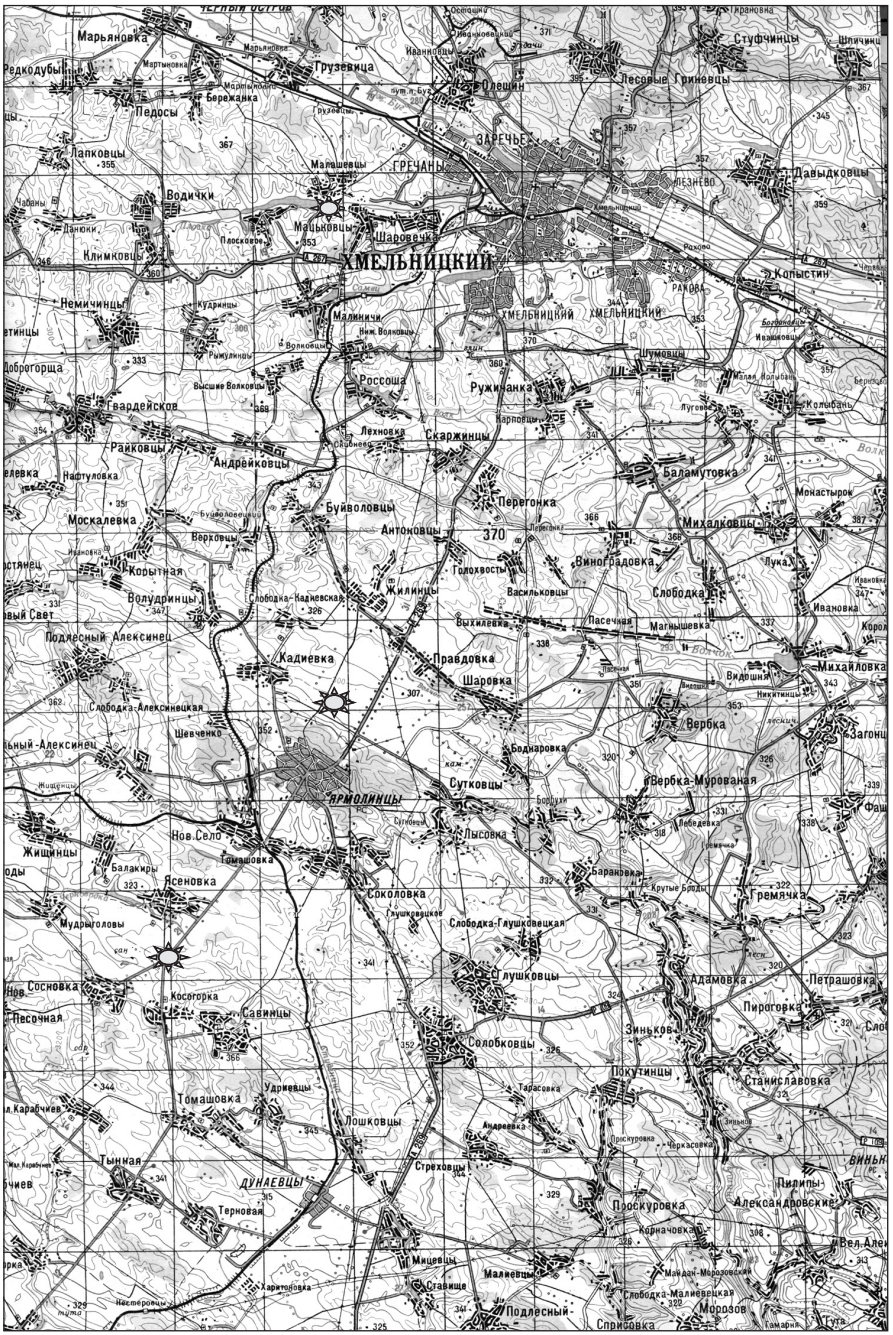
На 1897 г. во Фрамполе жило 1216 евреев [3].

В 1916 году в местечке проживало около 350 еврейских семейств [6].

По сведениям 1925 г. из 2787 жителей местечка большинство — евреи [4]. В это время во Фрамполе числились 4 синагоги, 6 заездов [1].

«ФРАМПОЛЬ местечко с предместьем Франовкой (к западу) и приселком Перелеском (к востоку) — на старой почтовой дороге из Каменца в Проскуров, в 2-х верстах от с. Савинец. Поселение это появилось в начале прошлого века, причем сначала называ-

лось Франовкой, а потом, когда в конце прошлого века это поселение, как лежавшее на большой дороге, начало заселяться евреями и стало местечком, то еврейская часть названа Фрамполем (или вернее-бы Франполем), а старое поселение с христианским населением сохранило название Франовки. Оба эти поселения принадлежали к Савинецкому ключу Потоцких, в 1820 во владении Кордули Потоцкой было во Фрамполе 34 крепостных, во Франовке и Перелеске 70… По книге г. Гульдмана «Населенные места Под. губ.» (изд. Под. губ. стат. ком. 1893 г.) во Фрамполе дворов 207, жителей об. пола 1365; во Франовке дворов 58, жителей 280; в Перелеске дворов 138, жителей 549. По сведениям Под. губ. стат. комитета за 1894 г., во Фрамполе-местечке собственно жителей 595 д. об. пола, в том числе евреев 565 (у них 1 синагога и 1 молитвенный дом), дворов собственных 2 и на чиншевом праве 146, лавок 13, баня, бойня, ярмарки через две недели (26 дней), ремесленников 30. Почтово-телеграфное отдел.» [7].



Карта Хмельницкой области

Из мемориальной книги «Каменец-Подольский и его окружение»

В 1950—60-х годах в еврейских общинах разных стран среди бывших довоенных жителей многочисленных местечек Восточной и Центральной Европы начало разворачиваться движение по организации сбора материалов-воспоминаний о местах прежней, довоенной жизни, разрушенной в годы Холокоста, в целях сохранения памяти в виде мемориальной книги. Вспоминали также и эмигранты, уехавшие из мест обитания еще до и сразу после первой мировой войны. Были собраны фотографии, тексты воспоминаний, порой очень непрофессиональные. Но они были бесценны, так как выражали острое желание людей сохранить крупицы правды для истории и своих потомков. Все эти материалы вошли в выпущенные в 1960-х годах различные мемориальные (Yizkor — Прим. авт.*) книги. Отдельные главы в подобных книгах были написаны на языке идиш или на иврите. К сожалению, о существовании одной из таких мемориальных книг один из авторов данной книги — М. Фрейдер узнал и познакомился с ней только в конце 2000 г.*

В начале 1990-х годов в еврейском мире начались процессы по переводу подобных изданий на английский язык. Одна из них [8] вышла в 1965 г. в Тель-Авиве (Израиль), а в 1999 была переведена на английский язык.

В ней имеется небольшая глава о Фрамполе. Перевод на русский язык выполнили дочери М. Фрейдера для первоначальной публикации в его книге «Мудрость печали» [12].

Зеев Мейберг

Фрамполь

Происхождение города Фрамполь спрятано в анналах истории. Приблизительно 200 лет тому назад здесь была еврейская община в том месте, где сейчас город Свенч (возможно, здесь автор З. Мейберг имеет ввиду Савинцы? — *Прим. авт.*), около двух километров от места, которое сейчас известно, как Фрамполь. В мою молодость здесь до сих пор существовали на старом кладбище остатки могильных камней прежних обитателей тех мест. Некоторые старые люди посещали могилу одного человека, которого звали Реб Абеле, он был одним из последних представителей этой общины. Это был набожный человек, потомок первых хасидов.

Считается, что первое поселение Фрамполя было сконцентрировано вокруг стены, называемой Aavstria… которая была построена в дни Fanshtashina (в евр. варианте звучания: «Паньчижны», т. е. «Крепостничества» — *Прим. авт.*). Здесь был центр торговли города. Эта стена была построена в форме квадрата. На южной стороне там стоял роскошный дом. С трёх других сторон было около 20 магазинов: гастроном, текстиль, мучной магазин, промтоварный — для всего близлежащего окружения, которое составляло около 20 деревень и ранее упомянутого Свенча, который был самым большим и самым ближним городом.

Фрамполь и примыкающие деревни образовывали внутренний экономический союз, в котором имел значение каждый из участников для обеспечения всем необходимым. Владельцы магазинов и ремесленники обеспечивали крестьян одеждой, обувью и другими товарами. Крестьяне, вдобавок к работе на своих наделах, работали и на полях богатых людей, нанимались перевозить товары между двумя индустриальными центрами в нашем регионе, между Каменец-Подольским и Проскуровом.

Наше местечко было на большой дороге между двумя городами, и его главная улица, тянувшаяся к югу от Aavstria, была застроена длинной цепочкой гостиниц для купцов и извозчиков, ездивших между двумя вышеупомянутыми городами, которые были в то время центрами торговли и производства, а также местонахождением контор районных властей.

Так как каждый из этих городов по обе стороны Aavstria рос и преуспевал, некоторые из первых поселенцев решили построить

закусочные для крестьян, которые приезжали на рынок дважды в неделю — в среду и воскресенье. Фрампольский рынок заработал себе хорошую репутацию и в ярмарочные дни он привлекал крестьян из далекого окружения так же, как купцов и извозчиков из других городов нашей области. По существу, местонахождение главной дороги между Каменец-Подольским и Проскуровом было важным фактором не только для экономического процветания местечка, но и также для его культурного развития.

В 1850 году, когда строилась дорога между двумя большими городами, инженеры потребовали взятку в 100 рублей от каждого из владельцев гостиниц, расположенных вблизи строящейся дороги, поскольку владельцы именно этих гостиниц получали бы наибольшую прибыль. Последние отказались исполнить это требование. Тогда инженеры передвинули трассу дороги на 10 км от города и развитие местечка остановилось. Вдобавок, так как движение транспорта по грунтовой дороге уменьшилось, самые большие гостиницы становились пустыми и их доходы резко упали. Местечко на главной дороге, которое в прежние времена было процветающим, шумным местом, становилось исчезающим городом.

Несмотря на то, что система жизнеобеспечения оставалась, и торговые дни проходили по-прежнему, обитатели Фрамполя уже редко видели в своём местечке и на рынке новые лица. Не стало ни торгового, ни социального, ни культурного контакта с окружающим миром, а новости поздно доходили до города. Дух Хаскалы (Haskalah), который появился в еврейском мире во второй половине восемнадцатого века, не коснулся нас до того момента, когда мир надругался над оклеветанным Дрейфусом, и за этим последовал Первый сионистский конгресс.

Примерно в 1898 году, некоторые молодые педагоги из клойз (kloiz) и Бет-Мидраш (Bet Midrash), которые уже чувствовали новые веяния, и чьи стремления идеализировать их были в действительности больше, чем их знания и просвещенность, решили открыть во Фрамполе новую школу Талмуд-Тору (Talmud Torah). Бедные дети, чьи родители не могли позволить себе оплачивать частных учителей, получили бы выгоду от такой школы. Было решено, что в добавление к изучению Раши (Rashi), Танаха (Tanakh) и Талмуда (Talmud), учебный план будет включать грамматику иврита и русский язык. Против этого начала протестовать группа ортодоксов, которые восклицали: «Разве они хо-

тят основать школу для изучения Торы? Нет, совсем не так! Это будет лишь школа для изучения правописания!»

Битва бушевала во всем местечке: на рынке, в синагоге и, конечно, в бане. Эти протесты, естественно, дошли до внимания городского раввина Симхи Каханы. Противники новой идеи встречались с раввином и жаловались на атеистические мерзости, которые включает в себя такой тип школы правописания, которую планировали учредить. Раввин, однако, не обращал никакого внимания на жалобы и был благосклонен к предложенной идее.

Я хорошо помню эту историю, потому, что мой брат Шмул, наш племянник Элиезер и я были самыми молодыми среди первых учеников этой школы. Наши родители Иосел Фейсис и Велвел Фейсис были образованными людьми, и они решили не отдавать нас в обычную школу — хедер, учителями в которой были меламеды, а рассчитывали дать своим детям не только хорошее знание Торы, но и знание манер и культуры мира, в котором мы жили. Поэтому нас отдали в эту опытную школу в надежде, что мы получим именно такие знания, даже пусть в ограниченной степени. При этом, многие выражали свою искреннюю благодарность молодым людям, идеалистам, которые хотели посвятить свою жизнь бесплатному обучению бедных детей. Наши родители с их здравым смыслом и силой убеждения были вовлечены в борьбу за учреждение этой школы и спорили с оппонентами, пока не одержали полную победу. Насколько я знаю, Мендель Крамер — последний еще живущий из основателей школы, дай бог ему здоровья, эмигрировал в США, обучился на дантиста и ушел на пенсию два или три года тому назад (1962—63 гг. — *Прим. авт.*)

Все эти молодые преподаватели были учёными и неженатыми в свои двадцать лет. Позже некоторые женились и уехали из нашего местечка, управление школой было передано Ицхаку Рабину и мужу его сестры Ицхаку Элиаху. Два Ицхака были, действительно, цветом нашего местечка, так как они принадлежали к его духовной знати. Первый был сыном Меира Рабина, ученость которого была не меньшей, чем у величайших раввинов Израиля, но он не использовал свои знания, чтобы зарабатывать на жизнь. Меир Рабин занимался обычным крестьянским трудом — выращивал пшеницу и перерабатывал её в муку. Его сын, Ицхак Рабин, был не менее учен, чем отец, но он уже овладел шедеврами

новой ивритской литературы и русской литературы так же, как и Ицхак Элиах, которого патриарх нашего местечка Рейзел считала тоже своим внуком. И в том, что её сына Меира от Рейзел заменил Ицхак Элиах, была её большая радость.

После того, как Рейзел овдовела, ее широкое гостеприимство стало известно повсюду в нашей округе. Любой бедный человек, приехавший в местечко, знал ее адрес и ее внимание к духу гостеприимства, характерному для нашего Патриарха Авраама; ее доброе имя славилось во всех окружающих городах.

Они, эти внуки Рейзел, мечтали о современном хедере для местечка и возлагали свои надежды на первых преподавателей и выпускников Талмуд Торы. Выпускники сами хотели в какой-то степени оплатить долг своим благодетелям и местечкку, но начало первой мировой войны нарушило их планы.

Я бы хотел с нежностью вспомнить некоторых известных евреев местечка. Первый и самый выдающийся был вышеупомянутый Симха Кахана. Он происходил из семьи раввинов, его родословная включала Дона Абрабанела. Кроме того, что он был знатоком Шести законов Мишны и Галахических источников (Six Orders Mishnah и Posekim), это был мудрый, необыкновенно умный, всем хорошо известный человек. Он был судьей в спорах купцов из далеких окраин, и фрампольское суждение было авторитетным повсюду в Подолии.

Мой отец, мир его праху, Хасид Зиньков (Zinkover Hasid), молился в большом клойзе, а Симха Кахана молился в Бет Мидраш, где он работал кантором на больших праздниках. Даже если Симха проливал много слез во время молитвы shemone esrei в Рош-ха-шана (Rosh Hashanah) и Йом-Кипур (Yom Kippur) в нашем клойзе, где служба заканчивалась раньше такой же службы в Бет Мидраш, он, однако, сразу же шел в Бет Мидраш слушать изложение раввином молитвы Le-David mizmor. До сих пор перед своими глазами я вижу раввина, стоящего впереди перед Торой и распевающего слова перед своим погружением в молитву вместе с другими детьми Израиля.

В начале первой мировой войны, раввин Симха оставил свою должность сыну, раввину Нахуму, и вышел из раввината. Раввин Нахум (Нухим) был зятем раввина города Чорткова. Он был молодым человеком прекрасного нрава, сохранявшим направление галицийской Хаскалы в Чорткове. Фрамполь гордился им так же,

как и его отцом. Нахум служил раввином и учителем в местечке до начала второй мировой войны. Когда фашисты, потребовали у него выдать десять евреев в качестве заложников, он ответил, что не может выдать никого, кроме себя. Они схватили его в центре местечка и немедленно убили. Нухим навсегда останется в памяти всех фрампольчан и многих будущих поколений.

Еще несколько слов о двух или трех евреях, которых людская молва запомнила за их простоту и праведность. Один был Мойше Велис, переплетчик нашего города. Когда ему давали переплести книгу, никогда не было известно, когда он вернет ее. Там было так много молитв и строф псалмов для декламации каждый день! Ходить на Микву (mikueh) каждый день было также необходимо, как и собирать милостыню для бедных; при этом в случае отсутствия взносов неимущих, он вносил свои деньги. В Шабат в двух комнатах его дома в дополнение к горящим подсвечникам горело еще 20 больших керосиновых ламп, иллюминация была прекрасной, «почти в семь раз больше, чем солнце».

Одна пара в нашем местечке — Йохел Йехуда и его жена Дебора, не были вознаграждены детьми. Хотя они были бездетными, они давали в бедные семьи богатое приданое и устраивали дорогие свадьбы; при этом многочисленных потомков из новых семьей считали своими внуками.

Я вспомню еще одного земляка, которого мне не посчастливилось застать, потому что он умер до моего рождения. Местечковые старожилы, однако, вспоминают его с гордостью. Его имя было Итце Толнер. Был такой еврейский писатель Ицхок-Лейбуш Перец (I.L. Peretz), и я должен с уверенностью сказать, что Итце Толнер служил прототипом для его романа «Gib nisht nokh hekher» («Не надо больше перца»). Этот роман Переца настолько отображал правду жизни, что образ героя романа — цадика из Немирова, как говорили старики, может быть отнесен к земному существованию Итце Толнера.

Персоналии

Фрампольский доктор Яков Хоффман

Я вспоминаю его во всем его великолепии. Доктор Яков Хоффман, светлая ему память, был выдающейся личностью, восхищавшей всех и всеми любимой. До Фрамполя он жил в Елизаветгра-

де, а остановился у нас случайно. Он был с отрядом, отступавшим с фронта первой мировой войны. Этот отряд стоял в Ярмолинцах, и там мы его убедили осесть во Фрамполе, поскольку у нас не было доктора.

Одним из первых его начинаний была организация общины на демократической основе. Несмотря на то, что он согласился служить частным врачом, он хотел стать нанятым главой общины (kehillah), которая должна была платить ему за службу. Он предложил, что будет навещать больного без получения оплаты; а пациент должен платить общине взнос по прогрессивной шкале, основанной на своих платежных возможностях.

Богатые жители местечка, которые должны были бы платить большие суммы, заявили, что они не нуждаются в докторе, ибо не хотели платить суммы, навязанные им. Однако, эпидемия брюшного тифа, которая была в это время, не пощадила и дома богатых; они прибегали к доктору, причитая: «Доктор, помогите нам!» Он потом напоминал им: «Разве вы не говорили, что не нуждаетесь в докторе, так почему вы обращаетесь ко мне?»

Я помню один эпизод, когда он просил у одного богатого человека, который звал доктора к себе, плату 500 рублей; для того времени это была чрезмерная сумма. Доктор получил деньги, но тут же их порвал и потом пошел навестить больного.

Доктор Хоффман внес много жизненной силы в местечко. Большая часть денег, полученных с территории окружающих деревень, была использована для школы, которая была основана в местечке. Из Ярмолинец он пригласил молодого учителя Ш. Шпана и поддерживал его едой и квартирой.

Доктор Хоффман и его жена не раз спасали город от погромов. Однажды, одна неизвестная украинская военная часть стояла около местечка. Доктор Хоффман догадался, что может случиться. Он собрал несколько наиболее порядочных офицеров, организовал небольшую вечеринку для них и продержал их в своем доме до поздней ночи. Когда же они услышали со всех сторон крики о помощи, он, совместно с офицерами, сел на лошадь, и все солдаты были изгнаны из местечка.

Рассказ В. Гроссмана и И. Эренбурга о сопротивлении в Ярмолинцах

Ещё во время войны, на освобожденных территориях И. Эренбург и В. Гроссман начали сбор материалов о злодеяниях фашистов, связанных с уничтожением еврейского населения. Тогда, вероятно, они выслушали рассказы местных жителей о массовом уничтожении евреев на станции Ярмолинцы. Конечно, «Черная книга» [9] не вышла в советское время, лишь в начале перестройки она была напечатана. Вот короткий рассказ «Сопротивление в Ярмолинцах» из этой книги.

«[В Остроге евреи встретили немецких палачей автоматными очередями. В Проскурове перестрелка продолжалась несколько часов. Евреи убили троих эсэсовцев и пятерых полицаев. Нескольким молодым людям удалось прорваться и уйти в лес.]

В Ярмолинцах евреи сопротивлялись два дня. Оружие было заранее приготовлено; его принесли вместе с домашними вещами. Было это в Военном городке. Первого полицейского, который туда проник, чтобы отобрать партию обречённых, евреи убили, труп его выбросили в окно. Завязалась перестрелка, причем были убиты ещё несколько полицейских. На следующий день прибыли грузовики с полицейскими из соседних районов. Только к вечеру, когда у евреев иссякли боеприпасы, осаждавшие проникли в городок. Казнь продолжалась три дня. При сопротивлении были убиты 16 полицейских, среди них начальник полиции и пять немцев.

В других зданиях Военного городка наблюдались случаи самоубийства. Отец выбросил из окна двух детей, а потом кинулся

вниз вместе с женой. Одна девушка, стоя в окне, кричала: «Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Сталин!»

[Сообщение Е. Ланцман, к печати подготовил Илья Эренбург]

А К Т

1944 ГОДА ИЮНЯ МЕСЯЦА 20-ГО ДНЯ м. ЯРМОЛИНЦЫ.-

Мы нижеподписавшиеся комиссия по расследованию совершенных зверств и насилий немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории Ярмолинецкого района над мирным Советским населением и Советскими военно-пленными в составе:

Председатель комиссии - ТОМАШЕНКО Петр Кирилович
Председатель Исполкома Депутатов Трудящихся Ярмолинецкого р-на, Каменец-Подольской области.

Члены комиссии - БОХОНСКИЙ Федор Андреевич
Райпрокурор

- ЗАЙКИН Андрей Андреевич
капитан медицинской службы
В/Ч № 05879

- РЕМОВСКИЙ Мефодий Давидович
Глав.врач больницы

- ОСИПЕНКО Федор Потапович - врач

- СЕЛИТРЕННИКОВ Александр Георгеев
Священник

- ЗАСКИПНА Ксения
колхозница к-за им.Сталина
с.Грабина, Ярмолинецкого р-на,
Каменец-Подольской области

Произведенным расследованием и раскопкой могил комиссия считает установленным, что 8-го Июля 1941 года немецко-фашистские захватчики оккупировали Ярмолинецкий Район с 1-го дня оккупации озверевшие фашистские орды грабили население г. Ярмолинцы, ловили попавших в окружение советских военно-пленных и под видом военнослужащих арестовывали гражданское население и сразу расстреливали.

Так, допрошенный комиссией свидетель ГУМЕНЮК Григорий Федорович 1883 года рождения, житель и уроженец с.Грабины показал: "9-го Июля 1941 года немецкие солдаты поймали в г.Ярмолинцы 16 человек местных жителей, привели ко мне на огород расстреляли их в голову и заставили меня вырить яму, снять обув, а трупы зарыть в яму". В тоже время немцы поймали 2-х советских танкистов и расстреляли их на огороде гр-на ШВЕДА Ивана. Немецкий солдат в селе Буринцах встретил эвакуированного мужчину лет 45 и женщину лет 65,которые шли посейной дорогой и расстрелял их, что подтверждает очевидец свидетель БОРЕЦКИЙ Алексей Никитович.

Немецкими захватчиками на территории хозяйства к-за им.Большевик села Буринец был организован в Июле месяце 1941 года пересыльный лагерь для советских военнопленных в котором содержилось свыше 5000 чел. По показаниям свидетелей-очевидцев БОРЕЦКОГО и др. установлено, что советских военно-пленных морили голодом,давали изредка кушать один раз в сутку суп из проса, недавали им воды, в результате чего среди военнопленных была большая смертность. Трупы военно-пленных командованием лагеря увозились машинами в неизвестном направлении.

Свидетель БОРЕЦКИЙ показал, "я лично видел как неизвестный по фамилии немец через ограду бросил военно-пленных рыбу,голодные бойцы толпой бросились на эту рыбу,а немец заставлял других военно-пленных палкой бить тех,которые бросились толпой за рыбой,а кто не хотел избивать своих товарищей, так немец избивал его. Кроме того, по рассказам очевидцев немецкие охранники стреляли в толпу пленных ,когда они будучи голодными бросились на пищу принесенную гражданским населением. Немцы из числа военнопленных находящихся в лагере расстреляли 16 человек,которые закопали на хозяйстве колхоза.

По приказу окружного комиссара немца МЕРТЕСА зимой в июне месяце 1942 года в г.Ярмолинцах, м.Шаровке и Фалькуле был отведен участок для лагеря,который был огорожен колючей проволокой и туда жандармерия и полиция согнала всех мужчин,женщин,детей,которые были лишены права на добычу продуктов питания,воды и других жизненных потребностей.

Акт комиссии по расследованию злодеяний. Лист 1

403 ЦГ

Кто пытался из находящихся в лагере достать себе на базаре продукты питания, их ловили полицейские жандармы, избивали и в последствии в упор расстреливали. В последних числах Октября месяца 1942 года по приказу окружного комиссара МЕРТЕСА Эмиля, находившееся в лагерях население в Ярмолинецком, Михампольском и Городокском районах, было вывезено с личным имуществом и загнано в один 3-х этажный дом расположенный на территории военного городка ст.Ярмолинцы.

По показаниям свидетелей в этом доме было согнано свыше 14-ти тысяч мужчин, женщин и детей разных возростов, которых три дня держали под охраной без питания и воды. После 3-х дневных пыток и лишений по свидетельским показаниям многие из заключенных кончали жизнь самоубийством, бросались с 3-го этажа, прибегали к повешению на окна, среди вышеуказанного числа было 3 врача.

Немецкие палачи в заблаговременно выкопанные шуцманами на территории военного городка ямы, уводили с казармы группами до 50 человек мужчин, женщин и детей под предлогом напиться воды, а за тем около ям их раздевали наголо и заставляли лесть в яму ложиться вплотную рядом в ниц лицом, после чего немецкий палач проходя по перекладенной поперек через яму доске расстреливал последних. Таким образом было расстреляно свыше 14 тысяч мирных жителей мужчин, женщин, детей и военнослужащих. А все имущество и ценности было заграблено и вывезено в Германию.

Для наведения нового немецкого "порядка", т.е. ограбление и уничтожение советских граждан, окружным немецким комиссаром МЕРТЕСОМ Эмилем была организована жандармерия во главе с начальником ВУГОЛЬЦОМ и обер.палачом БРИННЕРОМ Юзефом и полиция во главе с нач.полиции КОЛБАСЮКОМ и ОМАНСКИМ, которые в Апреле месяце 1942 года замучили в остенках жандармерии и полиции 10 старшин и старух из г.Ярмолинцы и 10 человек из м.Фрамполя, а за тем замученных 20 человек повесили на деревях и балконах. Ими также арестовано не в чем неповинных советских граждан ПАХОЛЮКА, ТОКАРЯ, БУРКОВСКОГО Станислава, БУРКОВСКОГО Ивана, ПРИГЛАДЯ Ивана, ВИТЕР и других, которых на допросах избивали, подвергали пыткам и за тем вывезли на военный городок и расстреляли.

Таким образом только по Томашовском С/Совете немецкие палачи расстрелли мирных жителей 34 человека, военнопленных 15 человек, и расстреляно раньольных советских В/служащих 10 человек.

Произведенным комиссией осмотром и раскопкой могил установлено: что на территории военного городка ст.Ярмолинцы обнаружено шесть больших ям, в которых были зарыты трупы.

Произведенной раскопкой ям и судебно-медицинской экспертизой установлено, ямы длиной 35 метров, шириной 7 метров, глубиной 3 метра выявлено 10 слоев трупов лежавших в следующем порядке:

1-й слой головами в одной направлении, 2-й слой в противоположном на 1-м, и таким образом 10 слоев трупов составляет около 8000 человек трупов.

В остальных могилах свыше 7000 человек-трупов.

В первой могиле при деятельном изучении установлено массовый расстрел это видно из того, что среди трупов численностью около 8000, среди которых есть мужчины, женщины и дети необнаружено ни одного случая мгновенной смерти, которая наступает при выстреле в голову. Расстрел производился массовый, произвольно не учитывая мгновенной смерти а нанося лишь случайное ранение в любом месте тела, и смерть наступала в мучение с последующим удушением в силу нагромождение полуживых таких же случайно раненных при массовом и произвольном расстреле, что видно из того, что не обнаружено ни единой черепной коробки с следами повреждения огнестрельным оружием.

При исследовании выборочным порядком отдельных трупов были обнаружены оскольчатые переломы бедренных костей, ранение касательного характера мягких тканей в области поясницы, конечностей, грудной клетки итд., большинство трупов ротовая полость заполнена землей.

При исследовании челюстей выявлено, что у многих отсутствуют передние зубы верхних и нижних челюстей в нарушением целости зубных дунок. Из наведенного судебно-медицинская экспертиза делает вывод, что перед расстрелом люди подвергались пыткам и избиении.

При детальном изучении черепов, челюстей, судебно-медицинская экспертиза делает вывод, что эти люди были в большинстве молодых возростов, что подтверждается анатомическими особенностями /отсутствие атрофии зубных дуночек, что бывает при естественном выпадении зубов в молодом возрасте и атрофии челюстей, что характеризует старческий возраст/.

При открытии второй могилы длиной 25 метров, шириной 6 метров, глубиной 3 метра было установлено следующее:

Акт комиссии по расследованию злодеяний. Лист 2

204

В срединной части могилы при снятии земляного слоя толщиной в 1 метр. 40 см. была обнаружена ступень частая лестница из сосновых досок длиной ½ метра и 30 см. под углом 45°. Одновременно с этим при снятии земляного слоя было установлено через каждые пол метра земли производилось заливка гудроном. При изучении трупов судебно-медицинская экспертиза делает следующий вывод: яма заблаговременно приготовленная немецкими палачами исключительно как резервная для индивидуальных расстрелов, что подтверждается такими данными, что в большинствах из вырытых трупов в области затылочной кости обнаружено входное пулевое отверстие в нарушением целости внутренной пластинки черепной кости, в то время как лобная и теменные кости отсутствуют, что подтверждает то, что вожжая пули обладая гидродинамическим действием в черепной полости при выходе из нее увеличивает выходное отверстие в десятки раз.

Экспертиза пришла к выводу на основании вышеизложенного, что люди расстреливались обыкновенной пулей в затылок.

В отдельных случаях были трупы у которых совершенно отсутствует черепная коробка за исключением основания черепа, что дает право сделать вывод, что эти люди расстреляны разрывными пулями, в числе этих трупов были обнаружены и такие у которых установлено нарушение целости черепной коробки вследствии удара холодным оружием. В значительном количестве на трупах сохранились головные уборы, гимнастерки, брюки, образца красной армии, а из этого сделан вывод, что немецкие палачи расстреляли большую часть советских военнопленных, которые располагались в казарме военного городка в Октябре-Ноябре 1941 года.

На основании свидетельских показаний, осмотра и раскопок могил и выводов судебно-медицинской экспертизы комиссия приходит к такому заключению: что немецко-фашистские разбойники преследуя цель истребления советского народа в массовом порядке расстреляли до 15-ти тысяч мирных жителей мужчин, женщин, детей и военнопленных. Виновниками совершенных преступлений являются и должны понести ответственность следующие:

1. Окружной комиссар - МЕРТЕС Эмиль
2. Кассир Окружного Комиссариата - ВАЛЬДЕ
3. Помочники комиссара - КУНН,
   - ГЕССЕНКАЕР,
   - ПОЙКЕР
4. Комендант лагера военнопленных - ШУЛЬЦ
5. Окружной С/Х комендант - ГОЛЬКЕ
6. Помочник С/Х коменданта - ОППЕНВОРН
7. Начальник жандармерии - БУГОЛЬЦ
8. Помочник начальника жандармерии - БЕРГ
9. Начальник полиции - КОЛБАСЮК
10. Помочник Нач.полиции - ОМАНСКИЙ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ: ТОМАШЕНКО

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ: ВОХОНСКИЙ

ЗАЙКИН

РЕМОВСКИЙ

ОСИПЕНКО

СЕЛИТРЕННИКОВ

ЗАОКИПНА

Акт комиссии по расследованию злодеяний. Лист 3

Краткие исторические очерки А. Лейбмана о маленьком местечке Фрамполь

Семья Лейбман в местечке Фрамполь имела такой состав: мать — Этель Липовна Лейбман, отец — Герш Моисеевич Лейбман, четверо сыновей — Янкель, Лёва, Саша (Шая) и Семен (Сеня), а также дочь Мириам. Саша, Лёва и Сеня ещё до войны уехали из Фрамполя и поселились в Москве и Пушкино. Родители, старший брат Янкель Гершкович Лейбман с женой и детьми, дочь Мириам Гершковна с мужем и малолетними детишками до начала войны оставались во Фрамполе и были уничтожены фашистами вместе со всеми евреями местечка. Александр Григорьевич Лейбман (1919, Фрамполь — 1983, Москва) был женат на Лее Давыдовне Кляйн (1914, Каменец-Подольский — 1985, Москва). В середине 1970-х годов Саша Лейбман написал воспоминания в виде небольшой книги, копии которой хранились у Нели Фукс, дочери Семена Лейбмана и у потомка Кецельманов — Игоря Кецельмана.

Посвящается детям, внукам и правнукам

Очерк первый

Меж двумя вековыми липами с севера и двумя такими же вековыми липами с юга, на небольшой горке, граничащей с востока с украинским посёлком, называющимся Перелеском, и с запада Франивкой, раскинулось небольшое местечко Фрамполь, имевшее 130 домов с населением в 600—650 человек. Принадлежало

это местечко по административному делению к Ярмолинецкому району Каменец-Подольской области Украинской ССР.

Еврейское население, проживавшее в местечке, занималось разными видами промыслов. Основная часть хорошо трудилась в колхозе «Труд», являвшимся образцовым в районе. Другая часть трудилась в швейной артели портными и швеями. Остальные занимались кустарничеством.

Никакими особенностями это местечко не отличалось, не было во Фрамполе ни промышленных предприятий, ни культурных учреждений. Но какой-то особенностью это маленькое местечко все-таки обладало.

Первая особенность — та, что население жило в дружбе и согласии. Не только между собой, но и с соседним украинским и польским населением. Характерно и то, что и сельсовет был общий — интернациональный, где сообща проводились все мероприятия и решались проблемы всего населения. Второй особенностью явилась та, что молодежь очень стремилась к новой жизни. Большинство из них уехали в город, кто на учебу, кто на промышленные работы.

Особо интересной и весёлой жизнью местечко жило в летнее время, в период каникул и отпусков. Со всех концов Союза приезжала молодежь в родной дом, кто на каникулы, а кто просто — в отпуск. Вечерами собирались группами, пели песни, танцевали, обменивались знаниями и впечатлениями. Оживала самодеятельность и культмассовая работа среди населения, чему очень были рады все местные люди, что и запоминалось до лета следующего года.

Так это местечко продолжало свою жизнь до июня 1941 года, и вот внезапно наступила большая беда — вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз. Как и другие приграничные районы, Фрамполь окутали чёрные тучи и шквалы огня со всех сторон. В местечке остались одни старики, женщины, малые дети и больные, беспомощные и беззащитные люди.

В местечко вступили немцы, тут же жить стало невыносимо, сразу же почувствовался гнет грязного сапога немцев. Начались издевательства и избиения женщин и стариков за мужей и сыновей, ушедших на фронт. Описать все мытарства и переживания невозможно, начались грабежи…

Согнали всё население на сход, и комендант объявил, что население местечка должно внести властям большую сумму денег,

ценностей и обмундирования, а пока арестовали 10 человек, почётных стариков, в качестве заложников и выставили ультиматум: «Если это условие не будет выполнено, то заложники будут расстреляны». Так и случилось, варварское требование выполнить было невозможно.

Узнав, что население отказывается выполнить приказ, комендант распорядился согнать весь народ на площадь, и для устрашения остальных за невыполнение немецкого приказа заложников повесить. На второй день снова согнали людей, и все заложники были повешены на балках балкона двухэтажного дома со строгим указанием: «Жертв не снимать для захоронения до разрешения властей под угрозой расстрела за нарушение». Вот фамилии заложников, которые были повешены первыми:

1. Бурштейн Нухим Симхович — раввин местечка;
2. Эйдельман Шлема Лейбович;
3. Фрейдер Алтер Фроймович;
4. Шильман Перец Шлемович;
5. Пукер Нахман Шойлевич;
6. Гилис Гершон Меерович;
7. Векслер Сруль Мехелевич;
8. Гендельман Айзик Менделевич;
9. Милионщик Мошко Срулевич;
10. Ойрик Мойсей Израйлевич.

Нельзя обойти стороной очень важные моменты, имевшие место при казни. Во-первых, во время допроса первого заложника, Бурштейна Нухима, его спросили: «Кто здесь коммунисты?». Он ответил: «Один я коммунист», и перед казнью, стоя уже с веревкой на шее, произнёс на немецком языке пророческую речь и сказал, что «одной жестокостью вы, немцы, уже проиграли войну», чем предсказал чёрный приговор всему вермахту. Во-вторых, невзирая на приказы и казни, нашёлся смелый человек, который подошёл к повешенным, ножом перерезал веревку у Бурштейна Нухима, положил раввина на землю и поцеловал его в лоб, за что был тут же расстрелян. Это был Ойрик Мойше.

С этого времени страшные ужасы и расправы с каждым днём увеличивались и становились ещё страшнее и ужаснее. Началась жизнь согласно фашистскому изуверскому закону, под лозунгом:

«Уничтожить всех коммунистов и евреев без разбора». Спустя некоторое время всё еврейское население было изгнано из своих жилищ и загнано в специально выделенный участок под жилье, в который втиснули всех оставшихся по 3—4 семьи в комнату, оградили запретной зоной и назвали еврейским гетто. Председателем назначили Хаима Ханцис Галендера.

О дальнейших страданиях, страшных муках, постигших этих измученных, полумёртвых людей рассказать невозможно, ибо нервы не выдерживают. Ограничусь только тем, что напишу: находившиеся в этом гетто обессиленные, обескровленные люди были обречены на мучительную голодную смерть, которую они ежедневно просили для себя, завидуя тем, которых смерть настигла вчера.

Так это жалкое существование длилось до 18—19 октября 1942 года. Оккупационная власть, видя, что эти люди окончательно истощены, полностью ограблены материально, морально и физически уничтожены, издала тайный приказ, по-воровски: «Всех находящихся в гетто уничтожить». Под покровом ночной темноты к этим домам подогнали запряженные повозки, погрузили всех находившихся запуганных несчастных людей и увезли на железнодорожную станцию Ярмолинцы. Их загнали в имевшиеся там поблизости два двухэтажных дома, принадлежавших до войны «Военстрою».

На следующий день охранкой насильно люди были переброшены к заранее приготовленному противотанковому рву, частично перестреляны, а остальные живыми сброшены в ямы и, невзирая на ужасные крики и стоны, засыпаны землей. Рассказывая эту историю, Фрида Пахтер говорила, что на второй день земля на могиле еще дышала, и издавались страшные крики, звуки и стоны мучеников, полуживых.

Вот так ужасно и трагически закончилась жизнь наших дорогих, любимых и родных отцов, матерей, братьев и сестёр от рук ненавистного врага человечества, немецкого фашизма, которому никогда и нигде не может быть пощады, и прощения на всём земном шаре. Смерть фашизму и немецким оккупантам!

Несмотря на казни, устрашения и расправы, находились и смелые люди среди наших земляков. О некоторых из них я напишу.

1. Местный парикмахер Шлёма Беркович Зильберман своей бритвой перерезал горло немецкому фашисту и скрылся, впоследствии был схвачен и казнен.

2. Жена Ш. Б. Зильбермана, учительница Хая Израйлевна Зильберман, взобралась на указанный злополучный балкон, и оттуда произнесла речь на немецком языке, в которой заклеймила позором немецких захватчиков, но тут же была сражена автоматной очередью.

3. Учитель школы Илья Волькович Бедный собрал в доме группу парней и громил немцев их же оружием.

4. Учитель математики Михаил Львович Эйдельман тоже действовал в группе народных мстителей в тылу врага.

5. Местный врач Михаил Волькович Пахтер не вытерпев издевательств, выразил протест властям, и сразу же был выведен на публичный расстрел, но он не поддался страху, выступил с сильной речью против убийц и человеческой нечисти. Тут же он и его семья были казнены на глазах у народа.

Далеко не полон этот список, но больше данных у нас нет, к сожалению. Я только должен сказать: «Вечная им слава!»

Ещё один случай опишу со слов очевидца, моего старшего брата Левы, который в 1944-м году, после освобождения местности, был там на станции Балин и заехал в Ярмолинцы посетить место казни и эти два дома бывшего гетто. Там, в одной из комнат, он обнаружил мешки, набитые аккуратно сложенным, как для продажи, женским волосом и кучи ношеной кожаной обуви, отдельно детской и отдельно взрослой, женской и мужской. В одном открытом ящике стола он ещё обнаружил два паспорта; один — на имя Алтера Яковлевича Пукера, а второй — на имя Иосифа Ехиловича Кецельмана (они, видимо, были старшими по гетто). Он беседовал с некоторыми местными жителями и установил дату их кончины, то есть 19 октября 1942 г. (с их слов), которую мы чтим по настоящее время (согласно документальной надписи на акте-списке комиссии Фрампольского сельсовета от 5 июня 1944 года вероятная дата расстрела жителей — 30 октября 1942, что соответствует 19 Хешвана того же года по еврейскому календарю, вероятно, позже эта дата трансформировалась в 19 октября — *Прим. авт.*).

После победы Советской Армии и разгрома немецко-фашистских орд вся наша территория была очищена от этой чумы. Через два года после окончания войны, когда страна немного оправилась от разрухи и других невзгод,, 6-го октября 1947 года на этой братской могиле был поставлен памятник жертвам фашизма.

В июле 1974 года во время отпуска мы всей своей семьёй поехали в те края и побывали на этой братской могиле; поклонились своим родным и близким, взяли с собой немного земли с их могилы, пропитанной кровью жертв, как часть их праха, символизирующая их самих.

На базе этой горсти земли мы сделали и установили памятник на кладбище в Пушкино под Москвой и захоронили эту горсть земли в день их гибели 19 октября 1975 г., чем и увековечили память об этих невинно погибших от рук фашистов жертвах! Вечная им память!

Этот очерк написан на основании рассказов людей-очевидцев и данных, собранных на протяжении ряда лет. Такая участь постигла и многих других советских граждан, но я написал только о тех, которые мне были знакомы, о родных и близких, с которыми я вместе вырос и о местечке, где прошло мое детство. На большее у меня не хватило материала и данных.

Следует отметить ещё один момент, заслуживающий очень большого внимания. Летом 1974 г., во время своего отпуска, Фира Шнер специально поехала во Фрамполь на могилу родных и близких. С большими трудностями ей удалось изготовить и поставить памятник первым 10 жертвам, повешенным в 1942 г. и похороненным возле старого еврейского кладбища во Фрамполе, их фамилии перечислены выше. Памятник сохраняется по настоящее время.

Основной моей целью является то, чтобы молодое поколение знало об этой трагедии и старалось найти время, чтоб прийти к этому памятнику и поклониться невинно погибшим дорогим людям. Особенно важно, чтобы наши дети, внуки и правнуки знали об этом и никогда не могли забыть, что такое фашизм, и во что он обошёлся человечеству. Тогда им станет ясно, как они должны быть благодарны нашей героической Советской армии, в том числе и нам, участникам тех событий, за разгром и изгнание фашистской чумы с нашей земли… Слава советским воинам! Смерть фашизму! За мир во всём мире!

1975 г., Москва

Очерк второй. Живые и мёртвые Фрамполя

В океане горя, который принёс фашизм Советскому народу, есть маленький островок, капля в этом океане, которая отразила общий ужас всех мест, где побывали гитлеровские орды. Островок этот называется Фрамполем, и причислен он к Каменец-Подольской области.

Общеизвестно, что с особым усердием враг сеял отчаяние безысходности, страх смерти, затем — самую смерть там, где находил евреев. Он не гнушался убивать одного, как и тысячи, десятки тысяч несчастных. Он не был разборчив. В отличие от древнего Ноя, он не отделил чистых от нечистых. Лишь бы в человеке текла еврейская кровь. Он гонялся за евреями, как и за коммунистами, словно они — хищные звери, а не он. Свое чёрное дело он творил с садистским упоением, уверенный, что, чем злее он будет действовать, тем добрее к нему будут изверги выше него рангом. Он стрелял в людей, как стреляют в тире по игрушечным мишеням, и был доволен, когда с точностью попадал. Он превращал города в руины, живых — в мертвецов.

Моё маленькое местечко Фрамполь не избежало общей участи. Шумное, оживлённое, я его после позорного бегства врага не узнал. Оно стало чёрным, обугленным, как после пожара. И тихим от безлюдия. Лишь по обоим сторонам местечка, как стража, уже ненужные, стояли вековые липы, и, казалось мне, что шелестом своих листьев они на своём языке рассказывают друг другу печальную сказку о тех, кому они давали тень. Их было триста пятьдесят человек и не осталось ни одного. Грустят деревья, скорбят люди, приезжающие поклониться невинно павшим родным и близким. Но для слёз нужно видение мест вечного успокоения. Но нет во Фрамполе той гостиницы, двери которой, по словам Гейне, открывают лопатой… Нет могил даже тех людей, что были повешены и расстреляны в первые дни особой активности гитлеровцев. Земля знает, да не скажет. Среди любителей крови были «эстеты», которые не хотели портить пейзаж за местечком. Но ещё труднее было скрыть общую могилу большинства фрампольцев, которых измучили голодом, обесчеловечили в специальном гетто в местечке, а потом перевезли для окончательного истребления на ближайшую станцию Ярмолинцы…

В большинстве мест, где умертвляли невинных людей, созданы музеи. Во Фрамполе, да и в Ярмолинцах, нет памятного хранили-

ща. Я попытаюсь создать нерукотворный музей из воспоминаний и слёз, ибо мне известно всё, что там бы экспонировалось. То была бы экспозиция жестокости, вещей, имён, экспозиция самой смерти.

Фрамполь не отличался от других местечек, где жили евреи. Мирные по характеру, трудолюбивые по воспитанию, фрампольцы работали. Кто в ближайшем колхозе «Труд», кто в швейной артели. Единственный доктор лечил больных, единственный парикмахер — брил обросших, двое сапожников чинили обувь. В местечке было мало молодёжи. Сбывшиеся мечты о свободе и равноправии, воплощённые Великим Октябрём, увлекли юношество в большие города. Гладильные доски портняжных мастерских сменились чертёжными, швейные ножницы — хирургическими, ученицы стали учительницами, говоруны — адвокатами. Достигшие призывного возраста ушли в армию.

В местечке как-то охладели к религии. Но синагога и раввин были. Такова традиция, продолжающаяся с древних времён.

Оживлялось местечко в летнюю пору: приезжала на каникулы молодёжь. У благоухающих лип устраивались танцы, распевались песни, соревновались в острословии.

Пока дети резвились у деревьев, родители собирались группами у своих лачуг и, сидя на крылечках, глядели на мир звёзд и сетовали на то, что под звёздами, на земле, не так-то ладно. Тревога шла с запада, где к власти пришёл страшный человек, одержимый неодолимой жаждой крови. Конечно, чужой крови. Тихие фрампольцы говорили, что попадись им этот сумасшедший, они надели бы на него смирительную рубашку и дело с концом… Страна ведь не сумасшедший дом, где обезумевший маньяк может долго неистовствовать.

Между тем, это было так. Навязчивая идея безумца была по душе кучке авантюристов, которые на его безумии делали свои ставки. Когда мерзость провозглашается добродетелью, а подлость — заслугой, эти гнусные качества овладевают массой. Больной манией величия, Гитлер возомнил себя богом всей земли и требовал поклонения.

Польша стала его первой жертвой. Опьянённый лёгкой победой, Гитлер, на свою беду, начал войну с расцветающей страной Советов. Пока жив человек, в нём живёт надежда. Фрампольцы верили в близкий конец навязанной войны, что враг будет от-

брошен не доходя до местечка. Но вера не оправдалась. Враг прогрохотал танками мимо местечка, оставив для порядка группу своих разбойников.

И вот каков был порядок! Фрампольцы были наследственными бедняками. Они в дни получки считали деньги, а в остальные — расходовали их. Они были твёрдо уверены в лучшем будущем, а пока мирились со скромным настоящим. Во всяком случае, от Ротшильда они были далеки, как земля от солнца, и если и знали о нём, то по грустно-шуточному рассказу Шолом-Алейхема. Но немцы в каждом бедняке видели скрытого парижского банкира. Они приказали всем явиться на базарную площадь и потребовали, чтобы к завтрашнему дню были принесены все ценности, которые должны составить стоимость, которую фрампольцы и своём в воображении не могли бы вместить... Чтобы приказ был убедительным, выкормыши фашистского покроя арестовали в качестве заложников самых уважаемых стариков, пригрозив, что, если приказ не будет полностью и в срок выполнен, заложники будут уничтожены на глазах всего населения.

Я уже сказал, что во Фрамполе нет музея. Был бы он, увидели бы там всё богатство местечка, собранное для спасения жизни заложников. Принесли скатерть, а в ней обручальное кольцо доктора, несколько серебряных бокалов, сохранившихся со дня свадеб, ложки и вилки, употребляемые по субботам, горсть бумажных денег и десяток-два часов, которые своими маленькими сердцами отсчитывали минуту за минутой страшное время.

Сегодня, в дни света и радости, трудно писать о вчерашнем черном и печальном. Но как забыть незабываемое? На следующий день согнали всех жителей, бледнее которых была сама смерть, и комендант, недовольный жалкой контрибуцией, велел при всех повесить всех заложников. Их было десять. Назовем их имена. Ведь только имена от них остались. Вот они:

1. Бурштейн Нухим Симхович — раввин
2. Эйдельман Шлема Лейбович
3. Фрейдер Алтер Фроймович
4. Пукер Нахман Шойлович
5. Гендельман Айзик Менделевич
6. Милионщик Мошко Срулевич
7. Шильман Перец Шлемович

8. Ойрик Мойше Израйлевич
9. Гилис Гершон Меерович
10. Векслер Сруль Мехелевич

Вешали их деловито, не торопясь, на металлических балках балкона единственного в местечке двухэтажного дома.

Раввин Бурштейн был первый, на шею которого набросили веревку. Подобно лаю был немецкий крик Бурштейну: «Кто здесь коммунист? — Скажешь — отпустим!» И раввин, в силу своей духовной должности — беспартийный, громко, на всю площадь, крикнул: «Один я — коммунист!» Близкие к роковому балкону слышали несколько других его слов, пророчившие гибель убийцам, но громкая команда «вешать» заглушили его слова. Когда его задушила верёвка, её обрезали, и он упал на землю. К нему подбежал Ойрик Мойше, — есть смелость не только в бою! — и стал целовать теплый ещё труп раввина. Величие порыва Ойрика стоило ему жизни. Комендант дал по нему очередь из автомата, удвоив количество трупов. В эту минуту на балконе, движимая неутолённой ненавистью, появилась учительница Хая Зильберман и на немецком языке произнесла проклятие убийцам. Её слова оборвались немецкой пулей. Местный доктор Пахтер Михаил Волькович пытался внизу, под балконом, продолжить неоконченную речь Хаи Зильберман. Около него стояла его семья. И тут все они перешли из жизни в самое горькое — в смерть. Вопль ужаса заглушил голоса убийц, которым было приказано вешать остальных заложников. Горе не всегда кричит. Молчали близкие уничтожаемых — они были в обмороке. Равнодушны были только немцы. Им, видимо, это было привычно.

Местечко было ещё в трауре, как всё его население согнали на небольшой участок с полуразрушенными постройками — бывший фольварк помещика. Три — четыре семьи заселялись в одну комнату. Участок оградили колючей проволокой и назвали еврейским гетто.

В жизни, как в мастерской художника, есть все краски: розовые, серые, чёрные. Для рисования с натуры жизни фрампольцев в гетто, художнику потребовались бы краски только чёрные. Призрак смерти витал над каждой семьёй. Чтобы жить, нужна пища. А её не было. Охранники ели картофель и мясо. Жители гетто получали кожуру от картофеля и глотали запах мяса. Среди

влачивших голодное существование, лишенных силы даже для отчаяния, были мои близкие: отец — Герш Моисеевич Лейбман, мать — Этель Липовна, брат — Яков, сестра Мариам и их малые дети. «Мама, папа, — спрашивали они, — почему нас выгнали из домов и согнали сюда, как скот, запирают как преступников? Ведь вы честно работали, мы — хорошо учились. За что это нам всем?..» Родители могли ответить детям только слезами, но их столько пролито, что слёзные железы перестали выделять солёную влагу…

Нужно с великой благодарностью вспомнить жителей окрестных деревень, которые, рискуя, ночью просовывали через заграждение кое-что из пищи. Старшие по гетто, Алтер Яковлевич Пукер и Иосиф Ехилович Кецельман, делили эту пищу по очереди каждой семье, чтобы они имели силы носить свои кости. Но силы уходили, люди умирали от голода. Страдания сделали их безразличными к жизни. Живые завидовали тем, кто умер вчера. Такое жалкое, невыносимое существование длилось до 18—19 октября 1942 года.

Нет весов, которые могли бы взвесить беду, в которой невинные люди оказались. Еще двигавшихся, полуживых, ночью погрузили, как дрова, на повозки и повезли всех на ближайшую станцию Ярмолинцы. «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звёзды блещут», — писал поэт. И в самом деле, всё молчало: и звёзды, и люди. У перевозимых не было сил даже перешептываться.

Может быть, смерть, назначенная этим несчастным людям, отдалилась бы, если бы не парикмахер Шлёма Беркович Зильберман. Немец-охранник потребовал, чтобы тот его побрил. Шлёма побрил его и, взглянув на мучеников, еле бредущих по двору, решился на месть: он перерезал клиенту горло и бежал в лес, где действовал ранее бежавший учитель школы Илья Волькович Бедный, громя по-партизански немцев, где только мог. Парикмахер верил, что если он не найдет Илью, он найдет в тылу у врага другую группу, руководимую математиком Михаилом Львовичем Эйдельманом, которая называла себя народными мстителями.

В Ярмолинцах недолго возились с фрампольцами. Их подвезли к противотанковому рву и, торопясь к своим флягам, часть расстреляли, а другую часть живыми бросили в ямы и закопали землёй. Женщина, побывавшая через несколько часов у страшной

могилы, рассказывала, что земля ещё дышала, ещё доносились из-под земли приглушенные стоны…

Разве озвучишь эти стоны из глубин земли, из крайнего страдания? Был бы музей в Ярмолинцах или Фрамполе, этот трагический конец ни в чем не повинных людей всё равно не изобразить. А ведь таких мест гибели не перечислить. Ямы, рвы, душегубки, концлагеря, газовые камеры, расстрелы над обрывами. Боже, сколько несчастий принёс разъярённый зверь, дикарь XX века, имя которому — Гитлер.

Как говорит Талмуд: не рой яму другому, ты можешь сам в неё попасть. Так было. Осуществилась справедливость. Советские героические воины стали гнать фашистские орды, дикое племя. Моему брату Лёве удалось вскоре посетить Ярмолинцы. В пустом доме, перевалочном пункте для обречённых фрампольцев, он обнаружил мешки, набитые женскими волосами, тюки изношенной обуви, отдельно взрослой, отдельно детской. Он представил детские ножки, которые должны были идти, разувшись, к смерти и заплакал. Из беседы с местными жителями, брат мой установил дату страшной казни — 19 октября 1942 года. А 6 октября 1947 года на этой братской могиле был установлен памятник.

В июле 1974 года я с семьёй посетил это место, мы оросили его слезами, поклонились родным и близким и всем милым землякам. Не было меры нашей печали, нашей бессильной горечи. Единственно, что мы сочли нужным — взять с собой немного святой земли, принявшей мучеников гитлеризма, и захоронить эту землю здесь, в Пушкино Московской области. Над этой горстью земли, слышавшей стоны заживо погребённых, мы поставили памятник, на котором словами выразили наши чувства, нашу боль и неутихающую скорбь.

Было много невообразимо страшного. Было. Но этого больше не будет. Сколько бы преступных семян не оставил после себя фашизм, он не возродится. Порукой тому Великая, Непобедимая Республика Советов. Вечная ей слава!

Таковы записки Лейбмана, которые сохранились по сей день в нескольких семьях из Пушкино. Все, с кем нам приходилось общаться, отмечали, что А. Г. Лейбман, или как часто его тепло называли Саша Лейбман, был верным другом и товарищем для многих фрампольцев. Именно ему все мы во многом обязаны

тем, что, практически, сразу же после войны был открыт памятник погибшим землякам в Ярмолинцах., а позднее, с места гибели евреев была привезена земля и захоронена на еврейском кладбище в г. Пушкино (Ивантеевское кладбище). И тогда же там был установлен памятник на собранные земляками деньги

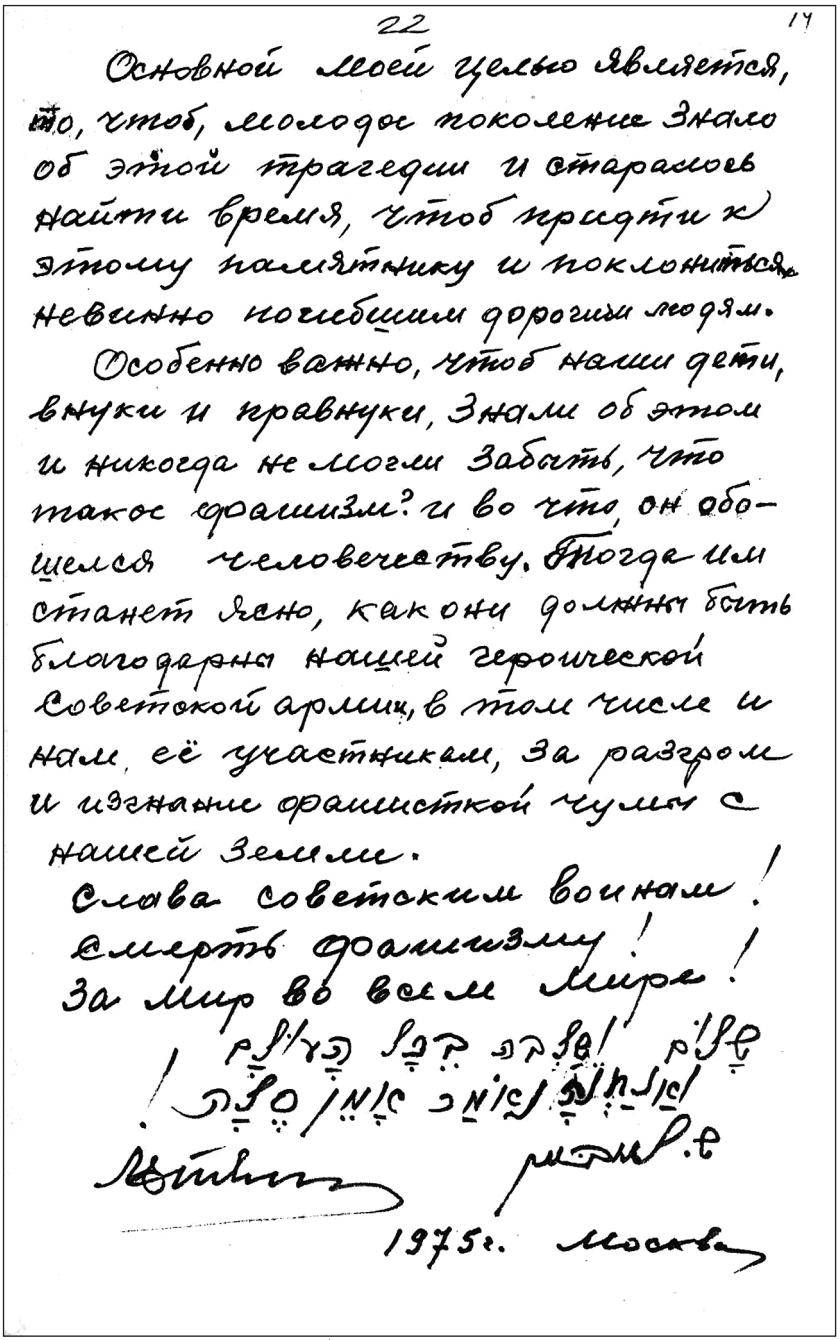
Саша Лейбман одним из первых начал составлять списки погибших фрампольчан, и, пока многое ещё было свежо в памяти, сделал на бумаге приведённый в этой книге топографический план довоенного местечка Фрамполь. И, наконец, именно Саша Лейбман был исполнителем и, фактически, инициатором создания памятных фотографий-фотомонтажей в память о погибших. Такие фотографии с именами погибших в данной одной семье, в 1950-х годах были переданы не только семьям пушкинского землячества, но и разосланы для сохранения памяти о своих родных многим уцелевшим фрампольцам, поселившимся после войны в разных городах страны.

Нам удалось собрать всего шесть таких памятных фотографий, хранящихся до сих пор у потомков фрампольчан. Это фотографии, посвящённые погибшим в семьях: Авербух, Бурштейн, Дайчман, Кецельман, Ландер, Лейбман.

Абрам Кецельман, Борис Дайчман, Александр Лейбман, Иосиф Дайчман, неизвестный сверстник, Фрамполь, ок.1930 г.

А. С. Лейбман, ок. 1950 г.

Е. Д. Клейн, ок. 1936 г.



22 17

Основной моей целью является, то, чтоб, молодое поколение знало об этой трагедии и старалось найти время, чтоб прийти к этому памятнику и поклониться невинно погибшим дорогим людям.

Особенно важно, чтоб наши дети, внуки и правнуки, знали об этом и никогда не могли забыть, что такое фашизм? и во что он обошелся человечеству. Тогда им станет ясно, как они должны быть благодарны нашей героической Советской армии, в том числе и нам, её участникам, за разгром и изгнание фашистской чумы с нашей земли.

Слава советским воинам!
Смерть фашизму!
За мир во всем мире!

1975г. Москва

Записки А. Лейбмана, заключительная страница

Газетная статья и воспоминания Ш. Николаевской*

Шева Николаевская (Мигдаль Азмек)

Помните о страшном прошлом!

В безбрежном потоке кровавых историй, не хотелось бы, чтобы было забыто маленькое местечко Фрамполь, в котором я родилась…

Зовут меня Шева Нухимовна Николаевская (в девичестве Бурштейн). Жила моя семья в маленьком городке Фрамполь (ныне Косогорка) Ярмолинецкого района Хмельницкой области.

Отец мой — Нухим Симхович Бурштейн был раввином в сто первом поколении раввинов и последним в нашем роду. Это был человек обширного кругозора, щедрого сердца, высокого ума и исключительного гуманизма.

Конечно, воспитывалась я в религиозных традициях, знала все обычаи, традиции, законы, еврейскую историю, все взлеты и падения нашего многострадального народа. Однако отец никогда не учил нас религии (в семье было четверо детей, а мама умерла молодой — 32—33-х лет). Отец учил нас человечности, и я по сей день (а я ведь глубокая старуха — мне 86 лет) больше всего ценю в людях человечность. Помню, приходили к отцу с вопросом: можно ли есть курицу, у которой в пупке была иголка или что-то еще подобное. Отец в первую очередь осведомлялся, чья эта курица. Если оказывалось, что бедного человека, и его семья всю неделю ждала такого лакомства, как бульон, он немедлен-

* Статья в израильской газете «Индекс Агалиль», 22.05.1998 Эти материалы получены авторами от И. А. Кецельмана.

но разрешал ее к употреблению. А если человек был зажиточным — запрещал. Эти, казалось бы, мелочи я привожу для того, чтобы читатель понял, что для отца человеческое стояло выше и было важнее старых догм, приносящих урон физический и моральный — он не мог допустить, чтобы дети бедняка лишились субботнего обеда.

Когда наступала зима со снежными вьюгами, он запрягал меня в санки с дровами и мы развозили по охапке дров в самые бедные семьи. Я на всю жизнь запомнила убогие лачужки и груду тряпья, из под которой выглядывали курчавые ребячьи головки — голодные глаза светились особым светом, а на стенах блестела изморозь…

Жители маленького, затерянного местечка на Украине были очень дружны и сразу приходили на помощь друг другу. Еще в далекие 20-е годы они спасли жизнь моему старшему брату Самуилу, которого петлюровцы захватили и вели на расстрел. Общественность местечка собрала большую сумму денег и выкупила его. Он тайно переправился через польскую границу и оттуда добрался в Вену к бабушке и дедушке (по матери). Здесь он закончил химический факультет университета и по окончании учебы жил и работал в Париже. Во время немецкой оккупации он сражался в рядах Сопротивления и уцелел. После войны, к великой моей радости, мы нашли друг друга, но переписка вскоре была запрещена органами КГБ. И только в 1975 году я получила письмо от жены брата о том, что он скончался…

Отец сохранил свое достоинство и тогда, когда озверевшие фашисты вместе с местными бандитами обрушились на беззащитных людей. Голод и тиф валили их как мух. Мой отец ходил по домам, выпрашивал самую малость и раздавал тем, кто буквально погибал от голода. Особенно тяжело было жене бывшего заведующего школой Харламба. Он, как член партии, уехал, а семья осталась. Дочь его была замужем за украинцем, заведущим почтой Байчуком[1] (он сам и повел ее на расстрел…). Жена заведующего школой Соня была в полной изоляции, связь с ней грозила смертью, но мой отец, рискуя жизнью, поддерживал ее, чем и как мог. Это было время, когда местечко еще существовало за счет «выкупа». Каждый месяц собирали деньги, золотые моне-

[1] Мужем дочери И. И. Харламба Марии был Ж. М. Черний — *Прим. авт.*

ты, украшения, кольца, цепочки и другие украшения от бабушек и прабабушек.Так горстка людей существовала, если это можно назвать жизнью, до 1942 года. Когда запасы иссякли совсем, мой отец стал первым заложником — от него потребовали, чтобы он выдал всех коммунистов местечка. Он сказал, что он — единственный коммунист, и других не знает. Отец никого не выдал и не предал. Обо всем, что ему пришлось пережить, мне не рассказали, щадя меня. Но представить себе нетрудно. А затем на базарной площади при стечении народа, который согнали из прилегающих местечек, его повесили.

Отец владел немецким языком и успел обратиться к палачам и сказать им, что своей бесчеловечностью и жестокостью они уже предопределили свое поражение. Из истории человечества известно, что изуверы, которые ставят своей целью уничтожение поголовно всех евреев, терпят поражение. Ему не дали договорить и затянули веревку. Целый день его труп висел, а под утро один смельчак, его друг, подкрался, чтобы вынуть отца из петли и похоронить, но тут просвистела пуля, и в этот день расстреляли еще десять человек.

Затем началась большая акция. Согнали 18 тысяч евреев из всех окрестных местечек и расстреляли. В том кошмарном рву погибли единственная моя сестра Поля с детьми Симхой и Кларой, а также моя вторая мать Хая. Брат Давид погиб в рядах Красной Армии, последнее его письмо я получила в 1943 году в день освобождения Киева.

Вот факты, которые я узнала от женщины по имени Федора, которая была их очевидцем, а после войны приехала из Фрамполя в Пушкино в семью Розенталь, у которых она жила с юных лет и помогала растить детей. В семье Розенталь их было четверо, двоих сыновей забрали на фронт, старшая дочь была в эвакуации. Родителей уничтожили в большой акции, а маленькую девочку Хаву (семи-восьми лет) Федора выдала за свою дочь, чтобы сберечь ей жизнь. Но «доброжелатели» донесли, что девочка — еврейка. Хаву тут же расстреляли. В живых осталась старшая дочь, которая из эвакуации вернулась в Пушкино, и брат, уцелевший под фашисткими пулями.

Вот что я узнала о поступке еврейского парикмахера из нашего местечка Шломо Зильбермана. К нему пришел бриться немецкий офицер, Шломо перерезал ему горло, а затем выбросился из окна единственного трехэтажного дома и разбился насмерть.

Трагически погиб мой бывший сосед по дому, на глазах которого я выросла. Он спрятался от большой акции фашистов в дымоходе. Его облили бензином и подожгли, и он сгорел как факел у всех на глазах. Каждая пядь земли полита невинной еврейской кровью. Хочу надеяться, что слова Ольги Бергольц актуальны и сегодня: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Об этом столько написано, что мои факты вряд ли могут добавить еще что-то новое. Братская могила, где похоронены 18 тысяч замученных евреев, находится на военном полигоне близ ст. Ярмолинцы Хмельницкой области. Там стоит памятник, сооруженный на деньги американской делегации. В 1979 году я посетила эти скорбные места. В зернохранилище, которое находится рядом, еще лежала груда истлевшей обуви. Кровь стынет в жилах, сердце каменеет от скорби и боли. Тогда же я взяла горсть земли с могилы отца, где он похоронен с десятью заложниками во Фрамполе.

Оставшихся в живых жителей местечка сплотил вокруг себя г. Пушкино под Москвой. И в беде, и в радости, и в горе приходили мы друг другу на выручку, втихую соблюдая еврейские праздники и традиции. Мы запаяли в капсулу землю, привезенную с могилы отца и из трагической могилы 18-ти тысяч земляков, и похоронили на еврейском кладбище в Пушкино. Пригласили двух человек из большой Московской синагоги и совершили обряд по всем традициям еврейского народа. Общими усилиями инициативной группы земляков был поставлен памятник в Пушкино. Средства на памятник собирали мои земляки: Маргулис Яков и Мендель, Вайсман Гедаль, Николаевский Борис, Лейбманы Лева, Саша, Сеня, Кецельман Абрам, Розенталь Аркадий. Увы, всех этих людей уже нет в живых. Не знаю, жива ли еще наша традиция поминать павших, которую мы соблюдали с 1946 года. Многих нет в живых, многие уехали, остались считанные люди, старые и больные.

В 1980-х двое наших друзей из инициативной группы — Сеня Лейбман и Абрам Кецельман — вновь посетили скорбные места и памятник родным и близким. К их ужасу они увидели, что рядом с памятником 18-ти тысяч расстрелянных вырыт огромный котлован, куда местные власти собирались сбросить памятник, тем самым уничтожив память о погибших людях и злодеяниях фашистов. По возвращению наших друзей в Москву мы написали письма в ЦК КПСС, а копию отправили в редакцию газеты

«Правда». Вскоре мы получили ответ не только из ЦК, но и от секретаря Хмельницкого обкома партии: — памятник в порядке и будет охраняться государством.

Хочу, чтобы о том, что пережил наш народ, помнили не только сегодня, но и грядущие поколения.

Воспоминания Евгении Наумовны (Шевы Нухимовны) Николаевской, записанные с её слов Игорем Кецельманом

Фрамполь до революции

Ты читал об истории еврейского народа? Помнишь, у Авраама и Сары были дети, от них другие. И среди них были коéн. — Коган? — Да. Так вот, наша семья была коéны. И нам нельзя было ходить на могилы близких. Остальные — исруэль — могли, а мы — нет. Когда умерла бабушка, отец не разрешил ходить на ее могилу. Да что там, я и на могилу матери не ходила.

Отец был раввином в 101-м поколении. Два шкафа с книгами, старыми еврейскими. Очень авторитетный человек, к нему на суд приезжали со всех местечек. Один раввин во Фрамполе. Он из Черткова. Отец покупал два пуда пшеницы и мы, дети, всю зиму эту пшеницу перебирали, чтобы не дай бог... А к пасхе (из этой пшеницы) пекли особую мацу — темную — шмэйр (первого помола). Она невкусная была. Во Фрамполе на праздник носили подарки бедным. Посылали нас, детей. Были такие семьи...

Брат Самуил — учился в Одессе и носил фуражку с гербом. Во время гражданской войны петлюровцы хотели его расстрелять: студент, значит, зачинщик, смутьян. Расстрелять хотели его свои же, местные петлюровцы. Еле-еле упросили их этого не делать... Брат окончил гимназию, а когда отец женился второй раз, жена поставила условие, чтобы он ушел. Самуил направился в Чертков, там жили две его тетки, а потом уехал в Вену, куда перебралась семья дедушки (по матери). У дедушки было 11 детей. Квартира из 12 комнат. Две кухни, ведь евреям нельзя смешивать мясное и молочное. Дедушка — Рапопорт — был раввином и из Черткова его пригласили в Вену на место раввина (хасидского). Самуил окончил в Вене университет. Он учился на химика, но нигде не мог найти работу. Попал во Францию и там познакомился со своей женой. Она была журналисткой. Ее

отец — шойхет — прежде чем разрешить жениться написал во Фрамполь, тамошнему шойхету, где спрашивал о Самуиле: кто он, кто его родители. Фрампольский шойхет дал положительный ответ, и тот выдал свою дочь за Самуила.

А моего отца женили так. Его отец — Бурштейн — послал в Чертков к тамошнему раввину — Раппопорту — и они договорились, что свою дочь он отдаст за его сына. И мой отец увидел свою жену только в день свадьбы. Восемнадцать лет ему было.

Во Фрамполе было два движения: Паолей Цион и другое, демократическое, но более правое. Я это знаю потому, что у нас дома несколько лет скрывался от царских властей мой дядя, который как раз в нем и участвовал, в Паолей Ционе. Вообще, левое движение в основном было представлено Паолей Ционом. Оно было, фактически, как рабочая партия. В ней состояли портные, сапожники, ремесленники — они считались у нас рабочими. Даже мой брат Самуил в этом участвовал. Сохранилась фотография, где все они собрались, и мой брат Самуил стоит там с лопатой в руке, — это значит, что он человек труда. А в другой партии…

— Наверно, сионисты?

— Да, сионисты, — там участвовали купцы, торговцы. Но основное место занимал Паолей Цион.

— А Бунд?

— Да, был Бунд, но они считались совсем левыми, они признавали даже террор…

Днепродзержинск, 1937 год

«Каждую ночь за кем-то приезжали. В Днепродзержинске, в основном, аресты шли среди специалистов и руководителей. Я каждую ночь не спала. Однажды к соседу приехали… А утром — жена заплаканная, и с ней никто не здоровался. Я к дяде Борису (Борис Иосифович Николаевский — ее муж, примеч. *И. К.*): «Признайся, ты ни в чем не замешан?» Он: «Ты что, с ума сошла?» И все же я верила, что арестовывают не зря. Если бы коснулось меня — ошибка, а большинство — правильно.

Дядя Борис носил шляпу — так он был на подозрении. У него был приятель — так его спрашивают на парткоме — «Что у тебя с этим пузатым? Он же шляпу носит!» Дядя Борис говорил: «Босиком бежать надо из этой страны!»

Нашего знакомого — Сему Каплана — посадили. Он был на комбинате комсомольским работником (сам он из Белостока) и когда приезжал Бухарин общался с ним, потом провожал, ехал с ним в одном вагоне. И Бухарин подарил ему свою книгу с дарственной надписью. Так Сема похвастался своему другу. И когда Бухарина арестовали, его друг об этом и донес. И Сему посадили, 10 лет он отсидел. Спасло его то, что он наизусть знал тысячу стихотворений. И когда он читал, ему давали лишнюю пайку. А с какими людьми он сидел! Он и подумать не мог, что когда-нибудь с ними встретится. А потом его посадили по новой. Послали в ссылку в Якутск. Мы с дядей Борисом на встречу с Бухариным не попали. Не достали билетов во дворец культуры, где он выступал…

Во Фрамполь я только в 40-м году смогла поехать. Пограничная зона. Из Харькова было можно, а из Днепродзержинска нельзя».

Нухим Симхович Бурштейн, раввин местечка и Ехил Кецельман (?).

Сестры Полина (слева) и Евгения Бурштейн, Фрамполь,1922 г.

Справа — Евгения Николаевская с мужем Борисом, слева — Полина, сестра Евгении, с семьей, Фрамполь, 1930 г.